Шведская Жанна д’Арк. Ингрид Бергман

Автор:
Елена Мищенко

Шведская Жанна д’Арк. Ингрид Бергман

Елена Аркадьевна Мищенко

Александр Яковлевич Штейнберг

Наши люди в Голливуде #1

Серия "Наши люди в Голливуде" – это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей киноискусства – эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали имена в историю мирового кинематографа. В рейтинге Американского института киноискусства "100 величайших звезд кино за 100 лет" Ингрид Бергман (1915-1982) занимает 4-е место. Пережив огромную личную драму, Ингрид не сломилась под тяжестью житейских невзгод, ведь она была по характеру такой же, как истинная Жанна Д’Арк, чью роль она блистательно исполняла. Ингрид – трижды лаурет премий «Оскар» и «Давид ди Донателло», четырежды – премии «Золотой Глобус». Иллюстрации Александра Штейнберга.

Елена Мищенко

Александр Штейнберг

ШВЕДСКАЯ ЖАННА Д’АРК

Ингрид Бергман (Ingrid Bergman)

Я прошла путь от святой до грешницы и обратно до святой и все в одной жизни.

Ингрид Бергман

14 марта 1950 года сенатор Эдвин С. Джонсон, представитель штата Колорадо, произносил бурную речь в Конгрессе Соединенных Штатов Америки.

Сенаторы замерли – никогда до сих пор в этих стенах не звучали столь серьезные обвинения против актрисы, звезды Голливуда, любимицы всей Америки.

«Мистер Президент, – громыхал с трибуны сенатор, – я предлагаю принять закон, согласно которому будут запрещены все фильмы с участием этой женщины, которая опозорила Голливуд, нарушила священный институт брака, разрушила семью. Она сошлась с этим негодяем – итальянским режиссером Росселини, который известен своими любовными похождениями. Когда он, этот любовный пират, вернулся из Голливуда в Италию, его добычей был не скальп миссис Линдстром, которым он хвастался перед друзьями, а ее невинная душа», – сенатор заранее подготовил эту фразу – он знал, что она произведет впечатление.

Сделав эффектную паузу, он продолжал: «Более того, – недавно миссис Линдстром, которую мы знаем как Ингрид Бергман, родила от него ребенка. Этот ребенок- незаконнорожденный. У него не будет никаких прав в этом мире. Как могла ранее безупречная женщина, мать, пасть так низко? Я предлагаю изъять все фильмы с ее участием».

Гневные слова сенатора были услышаны, его поддержали конгрессмены и предложили создать комиссию по контролю моральных устоев в Голливуде.

Так в пуританской Америке 50-х годов было положено официальное начало многолетней травле замечательной актрисы, фильмы с участием которой многократно получали самые престижные награды.

Америка с рыданиями и проклятиями простилась с мифом о святой Ингрид Бергман, талантливой шведской актрисе, которая стала звездой Голливуда.

Их брак с Петером Линдстромом казался всем образцом для подражания, исключением из голливудского образа жизни. Она, такая простая, естественная, была легендой. И вдруг… вот, посмотрите, – говорили бывшие поклонники ее таланта, ссылаясь на многочисленные иллюстрированные издания. На снимках в итальянских, шведских, американских журналах они вдвоем с Росселини, взявшись за руки и прижавшись друг к другу, стояли на развалинах древнего замка в Италии. У них были непростительно счастливые лица.

Те, которые недавно ее превозносили, называя легендой и королевой экрана, отреклись от нее. Шведская газета назвала актрису «грязным пятном на репутации страны». Американские таблоиды захлебывались, обвиняя актрису во всех смертных грехах. Это была настоящая травля. Фильмы с ее участием, собиравшие ранее полные залы, теперь были почти изъяты из проката, – они не приносили дохода.

Ингрид говорила: «Моя жизнь – это сплошная борьба за простое человеческое счастье. Не зря я играла в кино Жанну д’Арк. Ее объявили колдуньей и сожгли на костре. Но костер пылал от силы час-полтора, а меня сжигают уже несколько лет, и одному Богу известно – когда это кончится».

Права ли была она, Ингрид Бергман, когда разрушила свое гнездо, нанеся этим тяжелый удар своей дочери и мужу? Оценил ли эту жертву он, Роберто Росселини, знаменитый итальянский кинорежиссер? Обратимся к началу жизненной истории Ингрид Бергман- замечательной актрисы, легенды мирового кино.

* * *

Это был самый важный день в ее 18-летней жизни. Она долго к нему готовилась, даже сама связала свитер из светлорозовых ниток. Ингрид еще раз посмотрела на себя в зеркало – там отражалась стройная миловидная девушка в узкой юбке из твида и розовом свитере. Да, пожалуй, она, как сказала ей тетя Хильда, была слишком тоненькой – тогда, в середине 30-х годов, в Швеции были в моде пышногрудые блондинки.

За кулисами Королевского драматического театра, куда Ингрид пришла на прослушивание, было многолюдно. Хорошенькие девушки и интересные юноши общались друг с другом, обменивались веселыми репликами, словом,

чувствовали себя спокойно и уверенно – по крайней мере, Ингрид так показалось. Болезненно застенчивая, она стояла в стороне и ожидала когда ее вызовут на прослушивание.

«Мисс Бергман? Ваш номер шестнадцать, это означает, что вы должны немного подождать пока жюри закончит прослушивать других», – дама любезно улыбнулась, и ей показалось, что это хороший знак.

Она вышла из здания театра, перешла дорогу и села на скамейку в небольшом уютном парке. Ингрид помнила свое обещание, данное дяде Отто – если эта попытка стать актрисой окажется безнадежной – она больше никогда не будет мечтать о театре. Она пойдет в продавщицы, закончит курсы секретарш и забудет о театре.

Дядя Отто и его жена Хильда были единственными родными людьми. Маму она совсем не помнила – она умерла, когда Ингрид было три года. Осталось множество ее фотографий – с них на Ингрид смотрела красивая молодая женщина. «Это твоя мама», – говорил ей отец. Он был фотохудожником, души не чаял в дочке. 29 августа 1917 года, когда Ингрид было два года, он купил сразу две кинокамеры и профессиональный осветительный прибор. Отец считал свою дочь в высшей степени фотогеничной. Он бесконечно снимал ее, монтируя небольшие фильмы. Как часто впоследствии шутила сама Ингрид, давая интервью репортерам: «Первая моя роль была у великого кинорежиссера Юстаса Самюэля». «Но позвольте, – восклицали репортеры, – если он так велик, почему мы не знаем его имени?» «Юстас Самюэль для меня всегда был и будет великим режиссером, потому что это мой отец», – говорила Ингрид. Когда ей было двенадцать лет, она осталась без отца. Его смерть была страшным потрясением для девочки. Опеку над ней приняла незамужняя тетка, но и она умерла через два месяца. Вот тогда чуть не умерла сама Ингрид. Она уже была большой, и слишком много горя навалилось на ее хрупкие плечи.

Ингрид приняли в свою семью близкие родственники – Отто и Хильда. У них было пятеро детей, Ингрид стала шестой, любимой дочкой. Весь дом держался на Хильде. Она вставала раньше всех, успевала приготовить завтрак, отправляла детей в школу, вела хозяйство. Вся семья работала в магазине – это был семейный бизнес. У Бергманов никто не увлекался искусством – все были слишком заняты, и театр считали непозволительным баловством.

Друг отца Ингрид, Гуннар Спэнгберг, держал цветочный магазин. Это был самый элегантный магазин в Стокгольме. Его постоянными покупателями были актеры и актрисы местного драматического театра. Каждое воскресенье Гуннар приглашал своих друзей-актеров к себе на традиционный обед. Мудрый и артистичный, Гуннар почувствовал в Ингрид «божью искру», – как он это называл. Он познакомил девочку с поэзией, просил ее читать вслух, менять голос, входить в образ. Его друзья-актеры слушали как Ингрид читает, поет, как изображает разных людей. Они живо реагировали на ее игру – смеялись, аплодировали, показывали Ингрид как себя вести на сцене.

В мечтах Ингрид видела себя актрисой, она хотела стать такой же как ее кумир – французская актриса Сара Бернар. Но, увы – это были лишь мечты. Ингрид была болезненно застенчивой, ей трудно давалось общение с незнакомыми людьми. Но зато потом, узнав человека ближе, она с удовольствием рассказывала о своих увлечениях, о любви к театру. Так было и когда она познакомилась с Гэбриэл Элф, которая вела в гимназии секцию драматического театра. Гэбриэл поддержала стремление девочки стать актрисой, профессионально работала с ней над словом, движением. Именно Гэбриэл предложила Ингрид принять участие в конкурсе, который был объявлен Стокгольмским драматическим театром. Они вместе выбрали фрагмент для первого прослушивания из веселой пьесы.

По условиям конкурса нужно было доставить текст в театр, положив его в большой коричневый конверт. После первого тура, если она не пройдет по конкурсу, швейцар отдаст ей этот конверт. В случае благоприятного результата швейцар вручит ей белый конверт.

…Ингрид посмотрела на маленькие часики. Прошло уже полчаса. Наверное, нужно вернуться в театр. «Мисс Бергман!» – прозвучал голос помощника режиссера. Ингрид уже несколько минут стояла за кулисами, готовая к выходу. Они с Гэбриэл решили рассмешить жюри – выбрали для этой цели веселый отрывок и придумали эффектный выход на сцену.

И вот она выскочила на сцену – именно выскочила, – так было задумано и стояла, уперев руки в бока, – веселая деревенская девушка. Звонким голосом произнесла первую фразу: «Эй вы, посмотрите на меня. Вот я! Вы меня слышите?!»

Куда только девалась ее застенчивость? Она уже жила жизнью своей озорной героини. Еще несколько веселых фраз – и Ингрид посмотрела со сцены на жюри. Ее вдруг охватило отчаяние – они разговаривали друг с другом, совершенно не глядя на нее! Ингрид в отчаянии застыла на сцене. Только она собиралась произнести следующую реплику, как вдруг услышала: «Достаточно. Спасибо. Можете идти».

Не помня себя, Ингрид сошла со сцены. Ноги едва слушались ее, она с трудом вышла из театра, села в парке на скамейку и разрыдалась. Теперь, после позорного провала, она должна была идти домой, отвечать на вопросы своих родственников, выслушивать слова сочувствия, а завтра начать новую жизнь и стать продавщицей.

Ингрид тяжело поднялась со скамейки и побрела домой. Она остановилась у небольшого киоска, где продавались билеты на паром к парку-музею Скансен. Издавая громкие крики, по берегу ходили чайки. Темная, гладкая поверхность воды привлекла ее внимание. Молнией пролетела мысль: а что если… Но нет, в воде холодно и грязно. Ей сразу расхотелось бросаться в холодную пучину. Ингрид медленно пошла домой. Она хотела незаметно проскользнуть к себе в комнату, броситься на кровать и долго плакать. Ах, если бы мама и папа были живы – они бы ее поняли, утешили.

Дома ее уже ждали двоюродные сестры и братья. Они засыпали ее вопросами: «где ты была?» «почему ты так долго не звонила?» Что она могла ответить, как рассказать обо всем, что с ней случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/elena-mischenko/shvedskaya-zhanna-d-ark-ingrid-bergman-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити